

Б. Я. БРЮСОВ

КАК СОСТАВИТЬ БИБЛИОГРАФИЮ А. С. ПУШКИНА

ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА. ЯНВАРЯ 1920 ГОДА

(Публикация Н. В. Гужиевой)

В 1919 г. Госиздат выпустил в Москве первый том первого советского Полного собрания сочинений А. С. Пушкина под редакцией В. Я. Брюсова, предполагавшего поместить в последнем, третьем томе полный библиографический список произведений поэта и литературы о нем. Замысел не осуществился, так как издание — в целом неудачное — не было завершено. Но судить о нем можно по публикуемой „Записке...”,¹ характерной как для Брюсова-пушкиниста, так и для пушкиноведения и, еще шире, всей науки о литературе начала XX в. в соотношении с библиографией. С ее помощью можно отвести от Брюсова нередкие обвинения в эмпиризме и объективнее оценить роль фактографии, опирающейся на библиографию и информатику, в науке XX в. Ведь автор — один из литературных лидеров, разносторонне представлявший запросы эры научных революций. Как одно из проявлений усиления роли науки в жизни общества формируется литературоведение в статусе современной научной дисциплины со складывавшейся системой вспомогательных дисциплин — текстологии, библиографии, источниковедения и др. Брюсов содействовал этому, и его великолепная статья „О значении библиографии для науки”,² подытожившая его собственную деятельность,³ выпукло отразила возрастание потребности в развитой информационно-библиографической службе. Она была еще тогда в зародыше и даже в налаживании основы основ — регулярного учета выходящих изданий — делались только робкие шаги.

Литературная библиография опережала остальные, но и она еще не стала завершенной отраслью. Самым полным было библиографическое оснащение Пушкина, но к началу работы Брюсова самое крупное пособие — „Puschkiniana” (СПб., 1886) Межова — устарело хронологически и морально. Обильные и существенные его недостатки объяснимы тем, что автор не был пушкиноведом. Замысел Брюсова был актуален своей нацеленностью на связь с наукой, отвечавшей специфике того переломного момента, когда обслуживание специалистов все более контролировалось ими. В дальнейшем к ним перешли самые ответственные области библиографической работы, в частности относящейся к Пушкину. В начале века зародилось убеждение, что библиограф, специализирующийся по художественной литературе, должен быть знатоком в ней, а не „регистрающей машиной”,⁴ по выражению исследователя Л. Толстого А. Бема.

¹ Хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина: ГБЛ, ф. 386, карт. 44, ед. хр. 1.

² Библиографические известия. 1929. № 1—4. С. 5—7.

³ См.: Гужиева Н. Библиографическая деятельность В. Я. Брюсова // Советская библиография. 1976. № 3. С. 51—64.

⁴ Бем А. К истории изучения Толстого // Библиографический сборник. Пг., 1916. Т. 1, вып. 3. С. 33.

Ключевым и стал затронутый Брюсовым в „Записке...” вопрос о полноте информации. О нем высказывались библиографы, ученые, критики, поэты, и по поводам, относящимся как к библиографии, так и к науке, книгоизданию. В 1913 г. в программной статье „Жизненные задачи библиографии” Н.К. Дерунов, признав состояние отрасли неудовлетворительным, объяснил это погоней ее деятелей за количественными показателями в ущерб качественным. Считая, что исчерпывающая полнота в данный момент недостижима и бессмысленна, Дерунов провозгласил: „В деловой проповеди сознательного, систематического самообуздания слышится нам благая весть приближающегося перехода отечественной библиографии от утопии (поисков „идеальной полноты”) и т. п. к науке и через науку — к жизни с ее насущными потребностями”.⁵ В 1916 г. от лица литературоведов это поддержал А. Бем: „Еще недавно казалось, что идеал исчерпывающей литературы предмета не может быть оспариваем. Но сейчас, при баснословном росте печатного материала, при обилии литературы, абсолютная ценность которой под известным углом зрения сплошь и рядом ничтожна, приходится решительно задумываться над этим вопросом”.⁶ Это уже призыв к разумному отбору материала с точки зрения его научной ценности, провозглашенный в 1934 г. С.Д. Балухатым⁷ и впоследствии определявший практику библиографов.⁸ Все выступившие были не против полноты информации как таковой, но против ее абсолютизации, превращения в синоним научности, того, чтобы фактография подмяла под себя концептуальность. Для начального этапа развития литературоведения актуально было изживание эмпиризма, насаждавшегося учеными-фактографами, коллекционировавшими факты ради них самих. Как о типичной писал А. Фомин о работе В.И. Резанова „Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского” (СПб., 1906. Вып. 1), отнеся ее „к категории тех «разысканий» — сухих, бесцветных, которые по какому-то недоразумению считались наукой, за которые давали ученые степени, как за ценные научные вклады. Научный труд, на наш взгляд, заключается не в мельчайших разысканиях библиографического характера, но главным образом в выводе, действительно ценном для науки”.⁹ В пушкиноведении, ведущей отрасли литературоведения, издержки мелочного собирательства сказались особенно наглядно, в особенности при его зарождении в середине XIX в. В библиографии же воплощением этих тенденций была упоминавшаяся „Puschkiniana” Межова — характерного представителя библиографов-универсалов, бравшихся за любую тему и из-за неуения профессионально оценить библиографируемый материал делавших ставку на обилие и мобильность разысканий. Он и стал объектом критики Дерунова.

Брюсов, определяя в „Записке...” жажду абсолютной полноты как бессмысленный педантизм, оказывается на уровне требований эпохи. Он не упоминает Межова, но, судя по критике гораздо лучшей работы Н. Синявского и М. Цявловского, он солидарен с Деруновым. Резко размежевался он и с учеными-„библиографами” в лице П. Ефремова в рецензии¹⁰ на отредактированное тем издание Пушкина, напомнившее лавку букиниста — хаотичную, переполненную любопытными, но разрозненными фактами.

Однако вопрос о фактографии и библиографии не был у Брюсова однозначным и не исчерпывался простым отрицанием накопительства. Его выступления пронизаны культом конкретного многознания, и он был придирчивым, дотошным судьей трудов пушкинистов. Резко раскритиковал он, например, монографию В. Сиповского „Пушкин. Жизнь и творчество” (СПб., 1907)¹¹ за незнание всех опубликованных материалов, в частности лицейских журналов, за повторение ошибок П. Анненкова, за цитирование по устаревшему литфондовскому

⁵ Библиографические известия. 1913. № 1. С. 16—17.

⁶ Бем А. К истории изучения Толстого. С. 34.

⁷ Балухатый С. К пересмотру принципов литературной библиографии // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934. С. 459—463.

⁸ Гужиева Н. Проблемы полноты информации в библиографическом изучении творчества В.Я. Брюсова // Современные проблемы литературной библиографии и подготовки библиографических пособий по художественной литературе и литературоведению. Л., 1988. С. 52.

⁹ Исторический вестник. 1907. № 6. С. 983.

¹⁰ Новый путь. 1903. № 1. С. 190—193.

¹¹ См.: Критическое обозрение. 1907. № 3. С. 33—37.

изданию Пушкина. По поводу его рецензий на I том академического издания Пушкина современники удивлялись: „Труд слишком механический для писателя, работающего воображением и нервами, свойственный особому рода специалистам, копунам-буквоедам”.¹² Между тем это качество Брюсов афишировал всячески и на главных, творческих направлениях деятельности, в издательских трудах. В главных символистских органах — альманахах „Весы”, „Северные цветы” — он нередко печатал найденные в архивах тексты русских классиков, иногда скромные по размерам и художественной ценности. Они были важны не более как символы научности редакторских устремлений Брюсова, общей его политики сближения академической науки и современного литературного процесса. Современники реагировали на это очень остро. А. Измайлов в этой связи вспомнил экспромты Пушкина, упоминаемые бароном Розеном: „Но как хорошо, что Пушкин не заносил этих шалостей на бумагу, и услужливые библиографы не смогли вытащить их напоказ свету. Какую твердую поддержку нашли бы в них современные паяцы и кривляки декаданса, которые, конечно, не преминули бы установить преемство своего дара с пушкинским даром. Как охотно перепечатывали бы они с серьезным видом эти шалости на великолепной бумаге «Скорпиона»”.¹³ Таким поверхностным наблюдателем не разобраться было в парадоксах усвоения символистами классических традиций, когда модернизация осуществлялась именно через более активное и открытое привлечение реминисценций из произведений прошлого. Кто-то обвинял Брюсова в чрезмерной зависти от предшественников. Например, рецензент поэмы „Исполненное обещание” писал: „Поэма полна заимствований из наиболее известных авторов, как Пушкина, Лермонтова, гр. Расстопчиной и Надсона”.¹⁴ Кто-то же отрицал у него наличие точек соприкосновения с классиками, как пушкинист П. Морозов, счехивший курьезом то, что „поэт В. Брюсов, автор многочисленных стихотворений в новейшем вкусе, в которых воспеваются «сладострастные извивы» и разноstopные стихи чередуются без всяких цензур, имел случай рассмотреть одну из пушкинских тетрадей”.¹⁵ И только прозорливые понимали, что происходит фронтальный сдвиг старого для переплава в новое. Причастный к этому А. Белый точно сформулировал, что Брюсов сочетал „нужные ему элементы творчества Тютчева, Пушкина, Баратынского и Верхарна”, преломив их творчество в своей индивидуальности.¹⁶ Было нечто от научности в творческих установках Брюсова-поэта, чем и объяснима органичность и сила его тяги к науке и библиографии.

Сказалось это и в его стремлении издавать свои произведения академически, снабжая издания научно-библиографическим аппаратом. Его „Полное собрание сочинений” впрямую следовало за первым академическим собранием сочинений Пушкина, ставшим крупным событием в культурной жизни России и переломной вехой для науки о литературе. Издание Брюсова ознаменовало осовременивание интересов ученых, когда близкий по времени классик стал издаваться так, как до того издавались древние.

В библиографии происходило то же, и пособия по современной литературе стали преобладать над пособиями по литературе прошлого.¹⁷ Академически издавая и библиографируя свои произведения, Брюсов довел эту тенденцию до логического конца. Все это было еще непривычно. Многим — и среди них Блоку — казалось, что даже и на Пушкина рано смотреть исторически. Бальмонт иронически объяснял, что Брюсов издает себя так, как Академик — Пушкина, потому что страдает манией величия и вообразил, что „он академик и что он уже помер”.¹⁸ Характерно, что П. Якубович одобрил то, что Брюсов „успел заявить себя недурным библиографом-пушкинианцем”,¹⁹ но категорически не принял

¹² Р. [Рец. на кн.: Брюсов В. Лицейские стихи Пушкина. М., 1907] // Современный мир. 1907. № 9. С. 162 (2-я пагинация).

¹³ Измайлов А. Литературные заметки // Биржевые ведомости. 1904. 1 (14) мая. Утр. вып.

¹⁴ Раннее утро. 1908. 11 апреля.

¹⁵ Морозов П. Строгая критика // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 10. С. 461.

¹⁶ Белый А. Арабески. М., 1911. С. 452.

¹⁷ См.: Машкова М. В. История русской библиографии начала XX в. Л., 1969. С. 265, 274.

¹⁸ Бальмонт К. Забывший себя // Утро России. 1913. 3 августа.

¹⁹ П. Я. [Якубович П.]. Без руля и без ветрил // Русское богатство. 1908. № 5. С. 132 (3-я пагинация).

библиографирование поэтом собственного творчества. Чем дальше в глубь истории литературы, тем меньше оскорбляется вкус, воспитанный на отделении науки от искусства.

Между тем опыты Брюсова отвечали все растущей тяге к науке среди широких кругов литературной общественности, сказавшейся в издании многочисленных полных собраний сочинений. Знамение времени видела в них критика, например К.И. Чуковский: „Резко бросается в глаза, в каком несметном количестве высыпали на книжный рынок «полные собрания сочинений» всевозможных авторов, иностранных и русских, беллетристов и публицистов. Такого множества «полных собраний» никогда еще не было в России. Если хотите, это тоже отказ от современности — ради прошлого, ради «архива»”.²⁰ В оценке такого массового явления вполне закономерно вспомнилась работа библиографа. Критик Н. Носков писал: „Не можем не отметить черту современных авторов — раннее желание подвести итоги и с настойчивой ревностью записных библиографов собрать чуть ли не каждую свою строку в сборники. То, что для старого русского писателя было последним прижизненным итогом долголетней работы, теперь обратилось как раз в противоположное. Современные писатели начинают с того, чем кончали писатели прошлого. И это, с одной стороны, пожалуй и хорошо: творческий облик писателя в этом случае проявляется резче и внушительней со всеми своими мелкими чертами. К сожалению, что ценно для историка или исследователя литературы, то совсем не будет оценено читателем”.²¹ Как видим, многоаспектны были проявления проблемы полноты информации, затронутой как первоочередная в „Записке...” Брюсова.

То, как сам Брюсов решал ее, оценивалось по-разному. Дружественно писал Ф. Батюшков о „жилке библиографа, добросовестно подготовляющего материал для критика или историка современной поэзии”.²² Е. Ляцкий уловил отличие Брюсова от ученых-библиографов старого толка, иронически отозвавшись о них: „Исследователи же такой народ (особенно записные библиографы), что им подавай все написанное поэтом, — до последней строки, до непроставленной запятой, до опечатки, — без этого они и за работу не сядут”.²³ Брюсов же в своих „Путях и перепутьях” представил в основном корпусе лучшие произведения, а остальные перечислил в приложенной к сборнику „Библиографии”. Информация полна, но не самоцельна: библиографическому разысканию отведено подсобное место.

В поисках „правильных” соотношений концептуальности и фактографии прошла вся научно-библиографическая деятельность Брюсова. Он призвал к собирательству не так, как ученые-библиографы XIX в., признавая временность перекосов в этом деле, вызванных тем, что литературоведение было на стадии первооформления. Не раз он указывал на реальную невозможность научных обобщений из-за неразвитости служб в архивном деле, библиографии, текстологии и призывал смотреть на свои работы „лишь как на предварительные вехи, намечающие пути исследователей”.²⁴ По его собственному движению от мелких заметок в юности к пространным обзорам общих проблем пушкиноведения в поздние годы видно расширение горизонтов всей отрасли. Но и начало этого пути было ознаменовано широкомасштабным замыслом — создания истории русской лирики, от которого Брюсов отказался из-за отсутствия фактографической базы. И уже в ранних его заметках видно желание останавливаться на типичных для всего пушкиноведения изданиях, например на сборнике „Пушкинские дни в Одессе” (Одесса, 1900),²⁵ где рельефно выразились недостатки „юбилейного” этапа в пушкиноведении: бессистемность, произвольный подбор дитат для иллюстрирования положений, угодных авторам. В поздних же своих обзорах Брюсов провозглашает всеохватные программы действия, перечисляя, чего не хва-

²⁰ Чуковский К. Собр. соч.: В 6 т. М., 1969. Т. 6. С. 383.

²¹ Н.Н. [Носков Н.] Беллетристика // Мир. 1909. № 6. С. 487.

²² Батюшков Ф.В. Я. Брюсов // Русская литература / Под ред. С.А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 119.

²³ Ляцкий Е. Пути и перепутья в поэзии Валерия Брюсова // Современный мир. 1908. № 3. С. 40 (2-я пагинация).

²⁴ Цит. по: Тиханчева Е. Брюсов о русских поэтах XIX века. Ереван, 1973. С. 44.

²⁵ Русский архив. 1901. № 4. С. 2—3 обл. (подпись: В.Б.).

тало у предшественников, как то сделано в рецензии на сборник „Пушкинист“: „Далеко не полно были выяснены обстоятельства его жизни, биография Пушкина, и не ясной оставалась личность великого поэта, его характер, его мировоззрение, объем его знаний, его философские взгляды и религиозные воззрения, круг чтения, суждения о литературе, даже самая поэтика. Слабо был исследован генезис творчества Пушкина, влияния, которым он подвергался, его отношение к другим писателям, русским и иностранным, предшественникам и современникам, античным, старым, новым. Почти совсем не было изучено творчество Пушкина со стороны формы, т. е. метры, ритмы, рифмы, его «тропы и фигуры», его образы, и архитектоника его произведений и т. п., и мало изучены созданные им типы и характеры, их психология, их отношение к действительности, их происхождение, их связь с типами, выведенными другими писателями и т. д. Не говорим уже о множестве других, более детальных вопросов, которые не ставились вовсе, например: пушкинские методы изображения природы, отношение Пушкина к флоре и фауне, грамматика пушкинского языка и т. д. и т. д.»²⁶ Программа охватывает всю полноту установок и главных академических школ прошлого — историко-культурной и психологической, и новой — формализма. Сам Брюсов поработал во всех направлениях, суммируя достигнутое для комплексного изучения литературы, образцом которого явилась его статья о „Медном всаднике“ для венгерского издания Пушкина.

Проблема полноты, как видим, не снималась, а приобретала новое качество — как призыв к многообразию подходов к исследованию искусства. Не обилие эмпирических фактов, выстраивающихся в ряд, уходящий в дурную бесконечность, а многоохватность, синтетичность обследования становятся показателем научности. Розыск фактов должен вестись по разным координатам — и в продольном разрезе с нанизыванием их в одну линию, и по поперечнику с группировкой их по разным аспектам, ведущей к оформлению разных отраслей. На одном конце поперечника утверждаются фактографические отрасли, на другом — обобщающе-методологические. Те и другие Брюсов равно ценил, призывая к созданию комплекса связанных друг с другом изданий — летописи, энциклопедического словаря, словаря языка, библиографических пособий и приветствуя работы, закладывавшие общеметодологические основы науки, например книгу П.И. Щеголева „Пушкин. Очерки“ (СПб., 1912).²⁷ Пестрота тем искупалась здесь для Брюсова единством и научностью метода — критической перепроверки источников, одна из главных потребностей литературоведения.

По выступлениям Брюсова видно, как противоречиво сталкивались прямо-противоположные тенденции — к специализации и интеграции. Показательна его „текстологическая политика“. Справедливо считая, что без научно изданных текстов нет науки, он в начале резко противопоставлял эту задачу другим. В целом справедливая его критика текстологических ошибок Л.Н. Майкова в I томе академического издания Пушкина прозвучала для некоторых современников слишком резко, возможно потому, что он отвлекся от положительного в работе Майкова — серьезного знатока Пушкина, составителя содержательных, высокохудожественных комментариев. Предпочтение Брюсов отдал редактору 2-го тома — П.И. Якушкину за то, что тот сосредоточился на критике текста,²⁸ хотя, по общему мнению, тот как редактор уступал Майкову. Кончил же Брюсов резкой критикой книги Гофмана „Пушкин. Первая глава науки о Пушкине“ (Пб., 1922) именно за то, что в ней рассматривалась только текстология.²⁹ В этих колебаниях запечатлелось то противоречие, по которому издателю сочинений Пушкина „невольнo приходится быть «и академиком, и героем, и мореплавателем, и плотником»“³⁰ (слова Брюсова). По его мнению, для решения такой, например, проблемы, как „мнимый Пушкин“, нужно многостороннее рассмотрение каждого приписываемого поэту произведения, его стиля, идей, литера-

²⁶ Известия Московского литературно-художественного кружка. 1916. № 14/15. С. 79—80.

²⁷ Брюсов В. Отзыв о книге П.Е. Щеголева // Брюсов В. Мой Пушкин. М.; Л., 1929. С. 119—128.

²⁸ Золотое руно. 1906. № 7—9. С. 170.

²⁹ Печать и революция. 1923. № 5. С. 67.

³⁰ Критическое обозрение. 1907. № 1. С. 30.

турных норм эпохи и т. д.³¹ Но для такого комплексного изучения фактографическая база только создавалась.

Брюсов видит в перспективе совмещение частной и общей точки зрения в подходе к Пушкину, развивая, например, следующую программу, ведущую отсчет от конкретного формального анализа: „Руководствуясь формальным анализом, возможно установить точную связь данного стихотворения с предшествующими ему явлениями литературы (влияния и заимствования) и вообще искусств, а также внутреннюю связь идей, выраженных в стихотворении, с предшествующими идейными течениями. Тот же анализ вскроет место данного стихотворения в эволюции творчества Пушкина, как со стороны техники, так и содержания. Теми же методами можно будет проследить, при содействии данных, даваемых историей критики, дальнейшую жизнь стихотворения — начиная с оценки его современниками, через позднейшие критические отзывы, через его отражение в других поэтических произведениях (подражания), вплоть до его современного понимания. Наконец, заключением этих работ явится оценка художественно-эстетическая. Здесь закончится роль критика и начнется работа историка”.³²

Говоря о диалектике общего и частного, фактографического и концептуального в научных поисках Брюсова, нужно вспомнить, что он был причастен к интеграционным процессам в интеллектуальной жизни своего времени в самом крайнем их выражении — в сближении гуманитарных и точных дисциплин. Энциклопедическая образованность, широта интересов, напоминающая о всеохватности знаний деятелей эпохи Возрождения, позволяя Брюсову идти в авангарде этого движения, призывая к созданию нового вида искусства — научной поэзии, пропагандирующей достижения физики, математики и т. д. Однако сами образы получились у него художественно слабыми, став доказательством того, что сближение с наукой искусства, имеющего свою природу, специфику и задачи, возможно до определенных пределов. Не случайно интеграционные процессы начала XX в. сопровождались прямо противоположными — всемерно углубленным развитием внутреннего потенциала каждой стороны, что выразилось в искусстве в усилении формально-эстетических исканий. В „научной поэзии” Брюсов в этом плане делает шаг назад по сравнению с лучшими своими произведениями 900-х годов, уповая только на новизну того материала научных гипотез, который прежде не был достоянием поэзии. Функции искусства, в сущности, сведены к рабскому копированию фактов науки, к той самой фактографии, которая и в самой науке XX в. приобрела новое, более подчиненное положение по отношению к полярным обобщающе-умозрительным методам исследования. От ученого потребовались и доскональное знание фактического материала, и повышенная способность мыслить абстрактно, парадоксально, полагаясь на интуицию и фантазию. Благодаря этому и были пересозданы традиционные представления об опорах бытия — материи, пространстве, времени. Символисты как школа в этом плане оказались впереди многих, отличившись высочайшей культурой абстрактного мышления, смелостью, космической масштабностью, полетной фантастичностью своих гипотез о мироздании. Брюсов не был бы их вождем, если бы уступил им в этом. Его фактографические наклонности причудливо переплелись с жадой отвлеченного знания, что отразилось в его поэтических и литературоведческих работах, вызвав у современников бурю противоречивых толков.

С одного полюса раздавались голоса таких заслуженных исследователей, как П.И. Бартенев, редактор „Русского архива”, в котором Брюсов прошел школу научного публикаторства: „Удивительно, отчего такой библиограф, такой знаток классической, русской и европейской поэзии, как В.Я. Брюсов, уже заявивший себя работами по биографиям Пушкина, Баратынского, Тютчева, не состоит в числе лиц, занимающихся в императорской Академии Наук изданием сочинений великого поэта”.³³

С другого полюса, не желая уступить своего мэтра ученым, возражал Белый:

³¹ Брюсов В. Новооткрываемый Пушкин // Брюсов В. Мой Пушкин. С. 188—194.

³² Брюсов В. Пророк. Анализ стихотворения // Брюсов В. Мой Пушкин. С. 297.

³³ Русский архив. 1908. Кн. 1, вып. 3. С. 3 обл.

„Брюсов представлял собой интереснейшую фигуру. В ней не было ничего академического: четкость, сухость, формальность всех достижений не стали еще брюсовской «академичностью», а были методом, маской, под которой пылливый ум большого человека высматривает себе стези и пути, нащупывая все эти стези на всех путях жизни (...) Он порою казался нам тигром, залегшим в камышах своего академизма, чтобы неожиданным прыжком выпрыгнуть оттуда и предстать в своем, ином, как казалось, подлинном виде: «черным магом»”.³⁴ Истина, очевидно, как всегда, посередине: ни „черным магом”, ни библиографом, в том смысле, в котором понимал это Бартенев, сам ученый-фактограф, Брюсов не был, а был проповедником научности всего нашего мироощущения с резким расширением диапазона ее проявлений в сторону и фактографии, и концептуальности. Он стал литературным лидером, возможно, именно потому, что поспособствовал усилению роли науки в жизни общества с удовлетворением его потребностей и в точном конкретном знании, и в широко обобщающем осмыслении законов мироздания. Самому Брюсову сбалансированность этих противоположностей не давалась просто: знал он удачи, поражения и перекося. Но в итоге не тонул в безграничных морях эмпирики, выискивая общие и дальние цели исследований, нащупывая тенденции, которым предстояло развиваться. Когда читаешь его резкую критику составителей сборника „Мысли Пушкина” (М., 1911), нахватавших без разбора цитат из разных произведений Пушкина без учета сложной структуры художественного образа и приписывавших автору мысли его героев,³⁵ вспоминается, что вскоре вопрос о лирическом герое, о непростом соотношении автора и персонажа стал занимать многих литературоведов. Ряд его работ, сравнивающих разные неповторимые индивидуальности, в особенности статья „Пушкин в Крыму”,³⁶ где южные впечатления Пушкина оттенены теми, которые зафиксировал в своем дневнике третьестепенный писатель Г. Гераков, путешествовавший одновременно и увидевший все сквозь призму устаревших литературных штампов, ряд таких работ Брюсова — прямое предвосхищение блестящих исследований Ю.Н. Тынянова, посвященных проблеме архаистов и новаторов. Во многом Брюсову-ученому помогал Брюсов-поэт, и современники сумели это оценить. М.О. Гершензон писал: „Брюсов давно уже пользуется известностью одного из лучших наших знатоков Пушкина, и изданные им года четыре назад «Письма Пушкина и к Пушкину» показали, как много может дать пристальное внимание исследователя, руководимого истинным художественным чутьем. Это соединение в одном лице поэта и специалиста, встречающееся так редко, особенно ценно у нас, где критическое изучение родных классиков находится еще, можно сказать, в пеленках”.³⁷

Советский исследователь Е. Тиханчева, определяя работы Брюсова о поэзии XIX в. как „первые профессиональные литературоведческие” в современном смысле слова, указала на их скрупулезность, доказательность, точность.³⁸ Но достаточно ли этого, ведь такие же качества есть и у ученых-библиографов XIX в. (тем более что в его работах пушкинисты находят много ошибок). Отличает Брюсова от них жажда гармонии между фактографией и концептуальностью, не всегда напрямую высказанная и даже осознанная. Брюсов отнюдь не против их фактографических увлечений, но, напротив, доводит их до той степени, при которой они могут быть полностью реализованы лишь на основе разделения труда. Библиография должна развиваться в разветвленную систему, довлеющую себе, но не для того, чтобы разорвать с наукой, а именно для того, чтобы лучше служить ей, предельно совершенствуясь во всех своих частях. Разъединение во имя соединения науки и библиографии на высшем уровне развития — вот к чему объективно свелся смысл усилий Брюсова. Конкретные плоды его деятельности значительно уже тех дальних целей, что вырисовываются за ними, часто не осознаваемые в должной мере самим Брюсовым. Развитию библиогра-

³⁴ Белый А. Воспоминания об А. Блоке // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 100.

³⁵ См.: Брюсов В. Новости пушкинской литературы // Русская мысль. 1912. № 3. С. 20 (3-я пагинация).

³⁶ См.: Брюсов В. Мой Пушкин. М.; Л., 1929. С. 32—44.

³⁷ Вестник Европы. 1907. № 8. С. 776.

³⁸ Тиханчева Е. Брюсов о русских поэтах XIX века. С. 42.

фии, в частности, Брюсов способствовал отнюдь не своими списками, а всем пафосом призывов к конкретному точному знанию, по-новому и остро прозвучавших в общем контексте его интеллектуальной деятельности. Драматические осложнения вокруг его библиографических трудов ясно показали современникам, что идиллическое время ученых-библиографов, удовлетворявшихся коллекционированием фактов, прошло, что сам этот тип, совмещавший в себе деятелей разного плана, должен распасться на составные части. Желание Брюсова создать полную библиографию Пушкина было реально не осуществимо из-за своей грандиозности и научной сложности. И это подчеркивает, что наступил черед разделения труда между библиографами и учеными во имя того, чтобы ученые могли пользоваться трудами библиографов, экономя свое время для создания широкого плана литературоведческих концепций, в свою очередь бесполезных для библиографов.

Задуманное Брюсовым могло быть осуществлено только коллективными усилиями и на основе развитой системы фактографических служб, налаживанием которых и были заняты литературоведы последующих поколений. Публикуемая „Записка...“ Брюсова, таким образом, является вехой, отмечающей наступление нового, более высокого этапа в развитии и библиографии, и науки о литературе.

Обращение к ней сейчас в высшей степени актуально, ибо, как показал в своей интересной и содержательной статье „Библиографическая пушкиниана: современное состояние и задачи“ В.Н. Баскаков,³⁹ в этой области наблюдается известное отставание от нужд науки. А если вспомнить о еще большем отставании по всему фронту литературной библиографии, то подлинным упреком для нас выглядит то, что крупнейший литературный деятель яркой и сложной эпохи, бесконечно занятый важными литературными делами, поэт с мировым именем не только не „пренебрегал“ черным библиографическим трудом, но и придавал ему огромное значение, видя в нем опору подлинно научного исследования литературы.

³⁹ Советская библиография. 1987. № 3. С. 65—70.

КАК СОСТАВИТЬ БИБЛИОГРАФИЮ А.С. ПУШКИНА

I

Выражение „полная библиография Пушкина“ можно понимать различным образом.

Вообще говоря, научная библиография стремится к исчерпывающей полноте. Библиограф должен указывать, „брать на учет“, все сочинения данного рода или по данному вопросу, независимо от содержания и достоинства. Всякий пропуск есть уже ошибка библиографа. Делать оценку или выбор — уже задача библиографии критической, а не научной.

Понимая так, „полная библиография Пушкина“ должна была бы представить перечень всех литературных произведений, относящихся к Пушкину, т. е. в всех изданиях, где напечатаны разные сочинения самого Пушкина, и в всех изданиях, где напечатано что-либо о Пушкине, даже в всех сочинениях, где упоминается о Пушкине.

Подобная работа потребовала бы огромной затраты труда, которая вряд ли оправдывалась бы достигнутыми результатами.

В самом деле, произведения Пушкина еще при его жизни перепечатывались много раз — другими журналами (кроме тех, где их поместил сам автор), в разных сборниках, в „песенниках“, наконец в критических статьях о Пушкине. В специальной работе М.А. Цявловского „Пушкин в печати 1815—1837 г.“ указаны такие перепечатки (кроме последнего рода — в критических статьях). Разумеется, все эти указания представляют интерес, но все же весьма второстепенный. Так, напр(имер), из длинного перечня „Песенников“, куда были включены стихи Пушкина (причем заглавия этих песенников приведены у Цявлов-

ского со всеми библиографическими подробностями), можно сделать лишь тот вывод, что стихи Пушкина в 30-х годах были почти столь же популярны, как песни Нелединского-Мелецкого и др.

Вряд ли кто-либо из исследователей Пушкина, его творчества, его биографии, его влияния на литературу, когда-либо найдет нужным заглянуть в один из песенников, указанных Цявловским.

Еще меньше будут иметь значения указания на перепечатки произведений Пушкина после его смерти. Опять-таки некоторый интерес такие указания представлять будут. Напр(имер), они покажут, как постепенно все большее и большее количество произведений Пушкина стало входить в школьные хрестоматии. Но в конце концов кропотливая работа по пересмотру всех школьных хрестоматий подтвердит только то, что известно и без того: что постепенно выросло понимание Пушкина как нашего величайшего, „классического” поэта.

Безусловно потерянным трудом был бы подсчет, сколько раз то или другое стихотворение Пушкина было цитировано в различных историко-литературных и критических сочинениях. Такая библиографическая статистика удовлетворяла бы почти праздно любопытство, так как не доказывала бы даже популярности данных стихов: авторы могут обращать внимание своих читателей на определенное произведение не цитируя его, даже не называя.

Между тем идеально, или, лучше сказать, педантически полная библиография должна была бы отметить не только все перепечатки, все цитаты из Пушкина, но даже все случаи, когда его слова взяты в виде эпиграфа и т. п.

Подобно этому, педантически полный перечень всего написанного о Пушкине и не только был бы работой, огромность которой не оправдывалась бы результатами. Нет никакого сомнения, что о Пушкине говорится во всех историях русской литературы и во всех учебниках этой истории. Какую, однако, пользу для исследователей Пушкина может принести исчисление всех таких историй и учебников с точным указанием их авторов, заглавий, места и года напечатания, числа страниц, формата и т. п.? Другой пример: в работе В.В. Каллаша „Русские поэты о Пушкине” целью поставлено собрать все стихи, написанные о Пушкине и „к Пушкину”. В собрание вошло множество (большая часть) совершенно ничтожных стихотворений, без всякого художественного значения, иногда полуграмотных. Никто из изучающих Пушкина не может извлечь из этого собрания ничего другого, кроме скудного вывода, что имя Пушкина достигало иногда и до малообразованных людей, из которых некоторые (конечно, немногие) могли даже напечатать свои вирши к Пушкину (а сколько таких же виршей осталось ненапечатанными!).

Из всех этих примеров следует, что не должно понимать выражение „полная библиография” педантически. Простой подбор всего печатного, связанного с именем Пушкина, дал бы безмерно большой материал, большая доля которого оказалась бы никому не нужной. Между тем время, затраченное на сбор такого материала, могло бы быть использовано более производительнее, хотя бы в целях изучения того же Пушкина (напр(имер), для составления его словаря, словаря его рифм и т. п.).

Однако, если понятие „полная” библиография должно быть ограничено, необходимо выяснить ту точку зрения, то основание, с которого будет произведено такое ограничение. Таких оснований может быть несколько. Наиболее рациональным представляется исходить из соображения, для кого и для чего назначается предположенная библиография.

Действительно, если библиография должна будет обслуживать учащихся, знакомящихся с Пушкиным, ограничения должны быть одного рода; если вообще читателей, — другого; если лиц, специально исследующих творчество и жизнь великого поэта, — третьего, и т. д.

Вопрос, по-видимому, предрешен самим определением предположенного труда. Полная библиография (как бы ни понимать понятие „полной”) излишня для учащихся и не нужна для масс читателей: она может быть полезна и даже необходима только для лиц, специально посвящающих себя (вообще или для данной работы) изучению Пушкина. Из этого следует тот вывод, что „полная библиография Пушкина” должна быть составлена так, чтобы служить подспорьем для изучения Пушкина. В нее должно войти все, что может помочь такому

изучению, и из нее должно быть выкинуто все, для такого изучения бесполезное, что было бы лишь балластом, вводимым в работу только ради педантического понимания слова „полный”.

Такое толкование дает основание для ограничения безмерного материала. Но, разумеется, пользоваться таким правом ограничения необходимо с большой осторожностью. Никогда нельзя предвидеть, что окажется нужным и полезным одному из будущих исследователей. Важно, чтобы исследователи в библиографическом труде имели перед собой по возможности весь литературный материал по данному вопросу. Отброшено может быть лишь то, что, несомненно, никогда и никому не понадобится в исследованиях о Пушкине. Примеры такого „ненужного” приведены выше.

Возможно, впрочем, с той же точки зрения и другие ограничения. Именно возможно выделить и оставить в стороне некоторые специальные вопросы, которые только косвенно касаются Пушкина и для большинства его исследователей не представляют значения. Таков, напр(имер), вопрос о художественной интерпретации произведений Пушкина — о картинах, рисунках, гравюрах, литографиях и т. п. на темы Пушкина; также — об интерпретациях музыкальных, сценических и др. Библиография подобных произведений может быть выделена из общей библиографии и отнесена в особую работу.

Наконец, задача может быть ограничена еще в том отношении, что приняты во внимание будут исключительно русские сочинения. Библиография переводов Пушкина на иностранные языки и библиография иноязычных сочинений о Пушкине также могут составить предметы особых работ.

II

Сообразно всему сказанному, можно наметить следующий общий план „полной библиографии Пушкина”.

Отдел I. Произведения Пушкина.

Библиография должна, во-первых, указать все те издания, где впервые было напечатано каждое из произведений Пушкина. Перепечатки должны указываться лишь в тех случаях, когда они имели какое-либо литературное значение, напр(имер) когда сам Пушкин вторично печатал свое произведение в журнале; когда по поводу перепечатки возникал литературный спор; когда данное произведение печаталось вновь с поправками и дополнениями; когда оно ошибочно печаталось как еще неизданное и т. д.

Библиография должна, во-вторых, указать все отдельные издания произведений Пушкина в форме книг, брошюр, листовок и т. п. При этом должны указываться как первые, так и повторные издания. Исключение может быть сделано лишь для изданий, повторявшихся без перемен с готовых клише, напр(имер) для лубочных картин с текстом Пушкина: для таких изданий достаточно указать их первое издание, с отметкой, что оно позднее повторялось.

Не включаются в библиографии перепечатки произведений Пушкина, сделанные в разных коллективных сборниках — в песенниках, школьных и иных хрестоматиях, в критических статьях, в историях литературы и т. д.

Отдел II. Сочинения о Пушкине.

Библиография должна указать, во-первых, все сочинения специально о Пушкине, вышедшие отдельными книгами и брошюрами; во-вторых, все работы (статьи, речи и т. п.) специально о Пушкине, напечатанные в журналах, газетах, альманахах, сборниках и др. изданиях; в-третьих, все части работ, специально о Пушкине, в трудах, посвященных в целом какому-либо другому вопросу. Исключение составляют главы о Пушкине, не представляющие самостоятельной обработки вопроса, в компилятивных историях литературы, учебниках истории и т. п.

Кроме того, в-четвертых, библиография должна указать все сочинения (как книги, брошюры, так и статьи в повременных и иных изданиях), непосредственно относящихся к тем или другим явлениям, тесно связанным с изучением Пушкина, напр(имер) работы о Царскосельском лицее, о предках Пушкина, о

близких друзьях и врагах Пушкина (напр(имер), о Дантесе), об изданиях и издателях его сочинений и т. д.

Особую часть этого отдела должна составить библиография всех книг, брошюр, статей и т. д., говорящих о рукописях Пушкина и их судьбе.

Отдел III. Интерпретации произведений Пушкина.

Как особые работы, в „полную библиографию” должны входить:

перечень всех художественных иллюстраций на темы Пушкина;

таких же музыкальных иллюстраций;

таких же сценических иллюстраций.

Сюда же относится иконография Пушкина, т. е. перечень всех портретов Пушкина и их воспроизведений в печати.

Отдел IV. Пушкин за границей.

В „полную библиографию” должны еще войти:

перечень всех переводов произведений Пушкина на иностранные языки;

перечень всех работ о Пушкине (книг и статей), появившихся в иностранных литературах.

(Отделы III и IV, как подлежащие обработке специалистами и представляющие обособленные задания, намечены в данном плане лишь в общих чертах. Можно, однако, отметить, что вряд ли есть надобность составлять перечни портретов Пушкина на предметах рыночной индустрии — на коробках папирос, на обертках мыла и т. п.).

III

Что касается расположения материала, то в окончательной обработке желательно его систематизировать, что значительно облегчит труд будущих исследователей.

Вообще говоря, библиографические списки могут располагаться в различных порядках:

а) в азбучном (по имени авторов или по названиям произведений);

б) в хронологическом (по годам, когда появилось то или иное произведение);

в) по отдельным вопросам, и др.

Первые два порядка дают хаос названий, разбираться в которых всецело лежит на исследователе; третий — дает материал уже систематизированный, причем чем подробнее его деления (рубрики), тем удобнее разбираться в них. Ввиду этого представляется полезным остановиться на распределении по вопросам, однако непременно с присоединением и азбучного указателя для всякого рода справок.

Пушкинская библиография естественно распадается на 4 отдела, указанные выше: 1) сочинения Пушкина; 2) сочинения о Пушкине; 3) интерпретация произведений Пушкина; 4) Пушкин в иноязычной литературе. Но каждый из этих разделов желательно, как сказано, подразделить на более мелкие рубрики. Такое подразделение опять-таки может быть произведено с разных точек зрения. Так, напр(имер), можно делить сочинения Пушкина и о Пушкине по периодам его жизни (как то сделано в приготовленной мною библиографии Пушкина, представленной в Гос. изд-во); сочинения Пушкина можно делить по родам и изданиям: полные собрания, издания отдельных произведений, вещи, напечатанные в повременных изданиях, и т. п., или по родам произведений и: лирика, эпос, драма, проза, письма; сочинения о Пушкине по их характеру: критические и полемические, биографические, характеристики, библиографии, воспоминания и т. д.; интерпретации — на художественные (скульптура, живопись, печать), музыкальные, сценические; иноязычные сочинения — по языкам, и т. д.

Деление по периодам жизни, удобное в практическом руководстве, в полной библиографии представляет то неудобство, что многие сочинения должны быть указываемы по несколько раз, так как относятся к разным периодам жизни поэта. Деление по родам изданий, по родам произведений и по характеру сочинений неудобны в том отношении, что совершенно исключают хронологическую

последовательность. Поэтому кажется наиболее целесообразным принять комбинированные деления, план которых предложен отдельно.

Однако такие распределения материала по рубрикам могут составить лишь последнюю стадию работы. Раньше должен быть собран весь материал, и для этого удобным способом остается занесение каждого сочинения на отдельную карточку. На самой карточке заранее может быть указано, условными знаками, в какую рубрику она должна быть впоследствии отнесена.

Валерий Брюсов

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПУШКИН

ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

ТОМ
XV

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

1995